

УДК 94 (47). 084. 1. 2. 3. 5

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-82-97

САМОГОНОВАРЕНИЕ, ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ И БОРЬБА С НИМИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1917–1930 гг.) (ЧАСТЬ 2)

© А.П. Шекшеев

В данной публикации автор, освещая на материалах енисейской деревни такие социальные явления как самогонование и потребление алкоголя крестьянством, красными партизанами и коммунистами, показывает возникшие на этой почве отношения между селом и властью, пытается выявить их влияние на социально-политические события.

Ключевые слова: алкоголь, беспорядки, деревня, казенная водка, кампании, коммунисты, крестьяне, месячники, милиция, облавы, партизаны, пьянство, революция, самогонование, Советская власть, судебная ответственность, трезвость, штрафы.

Формат цитирования: Шекшеев А.П. Самогонование, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.) : Ч. 2 // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 4. С. 82–97. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-82-97

MOONSHINE, ALCOHOL CONSUMPTION AND FIGHTING THEM IN THE YENISEI VILLAGE (1917–1930) (PART 2)

© А.Р. Sheksheev

Based on materials of the Yenisei villages author describes such a social phenomenon as moonshine and alcohol consumption by the peasants, red partisans and Communists, shows the emerged on this basis relationship between the village and the government, and tries to identify its impact on the social-political events.

Keywords: alcohol, disorder, country, state-owned vodka campaign, the Communists, the peasants, months, police, raids, the guerrillas, alcoholism, revolution, moonshine, the Soviet government, judicial responsibility, sobriety, fines

Citation format: Sheksheev A.P. Moonshine, Alcohol Consumption and Fighting Them in the Yenisei Village (1917–1930). Part 2. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 4. Pp. 82–97. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-82-97

Парадокс заключался в том, что зачастую представители Советской власти на местах своими действиями провоцировали распространение самогонования. В 1920 г. в некоторых волостях Ачинского уезда население почти не занималось выгонкой самогона, но, узнав, что хлеб придётся сдавать еще раз, оно расширило её масштабы. Разрешение на винокурение крестьянам в августе того же года дал Ша-

лаболинский волостной ревком (Минусинский уезд). В 1922 г. имел место случай, когда один из волисполкомов Канского уезда подал по инстанции заявление с просьбой разрешить ему открыть общественное самогонное производство, «так как иначе тратится очень много хлеба и времени». Председатель Кочергинского волисполкома Минусинского уезда, как сообщалось в январе 1923 г., разрешил крестьянам

ставить самогонные аппараты и вместе с самогонщиками пьянствовал. В одной из волостей Красноярского уезда волисполком произвёл сбор средств населения для выделки самогона к Рождеству. Милиционер Тайшетского районного административного отдела, находившийся в декабре 1927 г. в д. Прокопьевка Канского округа, разъяснил крестьянам, что Советская власть выработала новый закон, согласно которому население может гнать самогон по два ведра на двор. После этого винокурением стали заниматься кулаки и середняки, которые ранее самогон не гнали (Бугаев, 1993. Кн. 1. Ч. 2. С. 69; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 6. Л. 16; Павлюченков, 1997. С. 137, 139).

Крестьяне занимались производством домашнего спиртного из разных побуждений. Хотя их трудовые будни были соответственно со своеобразным нравственным кодексом деревни трезвыми, а пьянство сохраняло «порывистость», алкоголь прочно укрепился в быту. Он употреблялся во время праздников, свадеб и похорон и являлся своеобразной формой оплаты труда односельчан. Без угощения организация помочей, необходимой для части дворов формы коллективных усилий, направленных на улучшение положения хозяйства, была нереальной. Многие из крестьян, куря самогонку, использовали её для собственного потребления и пили «с радости, с горя, с досады, с устатка, с холода, с жара», а также когда отмечали религиозные праздники, число которых в году доходило до пятнадцати. В середине 1920-х гг. самогон распивался в 147 тыс. крестьянских хозяйств, составлявших 75 % от наличия их в регионе (Бугаев, Жалимов, 1995. С. 32). Араку и арьян, национальные веселящие напитки, изготовляемые из молочных продуктов, производили и пили хакасы.

Однако более всего усилению крестьянского самогонварения способствовал кризис рыночных отношений между городом и деревней. С сокращением товарообмена крестьяне старались во избежании изъятия хлеба продовольственными работниками побыстрее перекурить его в самогон. В дальнейшем «ножницы цен» между сельскохозяйственными и промышленными

товарами были таковы, что крестьянину оказалось выгоднее сбывать в городе не хлеб, а полученный из него продукт – самогон, и на вырученные деньги покупать ситец, соль, чай, гвозди, керосин и т. д.

В условиях налогового прессы самогонварение имело в крестьянской жизни первой половины 1920-х гг. экономическое значение. Оно приносило крестьянству доход, исчисляемый чаще всего в денежных знаках, хождение которых в деревне все ещё было ограниченным. Литр самогона 20–40-градусной крепости продавался тогда за 60 копеек, 60-градусной – за один рубль 20 копеек, а 90-градусного спирта – за один рубль 50 копеек. Из пуда ржаной муки стоимостью в один рубль можно было выгнать до пяти-шести литров самогона. Его гнали с целью выручки денежных средств даже для содержания школ, а чаще – уплаты налогов.

Основной причиной деревенского пьянства и самогонварения один из участников VI губернского съезда советов (апрель 1925 г.) назвал высокие ставки налогов (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 527. Л. 131). Гнать самогонку в первую очередь были вынуждены вовсе не зажиточные слои деревни. К большим праздникам самогонокурением занималось почти каждое хозяйство, но в остальное время самогонку в основном гнали вдовы и беднейшее население чаще всего для продажи, ибо этот промысел позволял им заработать кусок хлеба, не прилагая при этом больших трудовых усилий.

Ситуация, когда самогонварением занималась исключительно беднота, а зажиточные становились потребителями или перепродавцами этой продукции, была обусловлена ещё и классовым подходом властей к наказанию лиц, виновных в винокурении. С бедняка за него брали меньший штраф. Средняк же боялся, что штрафы за выгон самогона могут разорить его хозяйство. Поэтому чаще всего беднота гнала его из чужого сырья. В 1923 г. среди участников выгонки только 10 % составляли зажиточные, 30 – середняки, а 60 % – беднота (ГАНУ. Ф. Р.-1. Оп. 2 а. Д. 114. Л. 104).

В августе 1924 г. в пятнадцати сёлах Красноярского уезда самогон производился только для сбыта. Были такие селения, как д. Троицкая Новосёловской волости того же уезда или позднее д. Берёзовка Минусинского округа, жители которых в основном занимались и жили за счёт выгонки и торговли самогомом. Троицкие крестьяне снабжали им не только деревни своей волости, но и улусы, селения Хакасского уезда. В середине 1920-х гг. 40 % самогонки, произведённой енисейскими крестьянами, уходило на собственное потребление, 20 – на продажу для поддержания хозяйства, 15 – для уплаты единого сельскохозяйственного налога и 25 % пускалось на обогащение (ГАНУ. Ф. Р.-20. Оп. 3. Д. 44. Л. 19).

В конечном итоге самогонование, по мнению одного из исследователей, имело негативные последствия как для производственной деятельности крестьян, так и для их быта. С увеличением употребления спиртных напитков падала доходность крестьянского двора, сокращались посевы, доля товарной части в валовой продукции и соответственно уменьшался товарообмен с городом. Но для части деревенского населения, превратившего выгонку в промысел, самогон стал источником материальных благ. Рост винокурения позволял крестьянам примерно на треть поднять свои доходы (Литвак, 1992. С. 83).

Повод для распространения самогонования давали своей слабой работой и правоохранительные органы. Так, в конце 1923 г. волисполкомы Ачинского уезда выявили 30 случаев тайного винокурения, а милиция, позднее уличённая в пьянстве, изъяла у самогонщиков лишь один аппарат. С апреля по декабрь того же года из-за недостатка сотрудников 25 % всех дел о самогоноварении находились в Минусинской уездной милиции без движения. 28 января 1925 г. милиционеры во главе с начальником Семёновым, приехав в с. Перевозинское Канского уезда для ареста пьянствующих при собравшейся у сельсовета толпе жителей открыли беспечную стрельбу, возмущившую крестьян, и задержали совершенно трезвых мужиков и деву-

шек (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 337. Л. 24, 101; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 143. Л. 48).

Не являлось тормозом для винокурения и наказание самогонщиков. Пьянство, выгонка, продажа и хранение самогона народными судами карались лишением свободы и конфискацией имущества виновных лишь в редких случаях. В основном к ним применялись условные наказания. Мягкость приговоров, а больше всего затягивание расследования милицией и рассмотрение дел судами, объявление амнистии осуждённым развращали крестьян и также создавали возможности для развития самогонования.

Пик потребления алкоголя в деревне приходился на период завершения сельскохозяйственных работ. Но часто оно было ответом на «подарки судьбы» – от лица природы или власти. Например, пьянство енисейских крестьян уменьшилось весной 1922 г. из-за отсутствия хлеба, в январе 1923 г., напротив, возросло с уплатой налогов. В 1926 г. объёмы самогонования находились в прямой зависимости от выпуска и цен на государственную водку. Сильные загулы отмечались в деревне и в связи со слухами о предстоящей войне.

В 1920-е гг. пьянство и самогонование в енисейской деревне приняли значительные масштабы. По наблюдениям некоторых современников, деревня при большевистском режиме стала пить больше и чаще, чем в дореволюционные годы (Кузнецов, 2001. С. 145). 9 января 1920 г. для празднования Рождества в с. Ермаковское Минусинского уезда были завезены 500 ведер самогона. Милиционеры, посетив в престольный праздник, отмечающийся в июле того же года, д. Александровку Канского уезда, не нашли в ней ни одного жителя трезвым. Такая же картина им представилась и в д. Хомутово. В августе того же года пьянство процветало в с. Торгашино Салбинской волости, в Аскизе и Усть-Есинской волости. Продвигаясь в поисках «банды» в верховья р. Есь, отряд красных наткнулся на хакасов, справлявших Ильин день. Были уничтожены 500 ведер самогонки, участники торжества подверглись порке и избиениям. В январе 1923 г. пьян-

ство на участке Заречный Минусинского уезда дошло до того, что крестьяне продали школу, а вырученные деньги пропили (Соха и молот. 1920. 14 января; ГАНУ. Ф. Р.-1. Оп. 2. Д. 32. Л. 198; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 6. Л. 16; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 37; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. Л. 3).

Значительный размах приобрело самогонование и пьянство в урожайный 1923 г. По всей губернии тогда были произведены 10 млн 800 тыс. бутылок горячительного, на выгонку которого ушло 1800 тыс. пудов хлеба (ГАНУ. Ф. Р.-1. Оп. 2 а. Д. 114. Л. 104). В д. Белорусская Красноярского уезда самогон гнали 59 из 65 наличных домохозяев, еженедельно затрачивая на это до 500 пудов хлеба. Крестьянские дети в возрасте до шести лет пьяными валялись на улице. Каждое село Ерлыковской волости того же уезда имело более десяти самогонных аппаратов. В Минусинском уезде в курении алкоголя принимало участие 90 % всего населения

(Красноярский рабочий. 1923. 31 марта; Бугаев, 1993. Кн. 1. Ч. 1. С. 223; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. Л. 6). На Пасху 1924 г. и во время призыва молодежи 1902 г. рождения в Красную армию возлияния среди минусинских крестьян достигли таких больших размеров, что сопровождалась драками и избиениями комсомольцев. В августе того же года отмечалось, что у хакасов в пьянку были вовлечены даже женщины и дети, а в декабре – «повальным» пьянством страдали инородцы Усть-Абаканской волости (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 88. Л. 79; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 92; Власть труда. 1923. 23 ноября). Не отличались от них и русские крестьяне: в масленицу 1925 г. пьяными в губернии были целые деревни. Как свидетельствовали очевидцы, крестьянские сходы при упоминании о спиртном «сразу же начинали гудеть». К апрелю употребляли самогонку до 85 % всех детей Канского уезда. В деревнях они пьяными валялись на снегу. Во время празднования Петрова дня 29 июня в с. Рождественское

Рис. 1. Советский плакат против самогонования
Fig. 1. The Soviet poster against moonshining

Канского уезда населением в 250 дворов были выпиты 250 ведер самогона (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 506. Л. 15; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 527. Л. 125; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446. Л. 13; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 860. Л. 193). Мнение крестьян о невозможности ликвидировать самогоноварение, в сущности совпадало с признанием губернского прокурора о том, что в первой половине 1925 г. борьба с ним не принесла успехов (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 506. Л. 15; ГАНУ. Ф. Р.-20. Оп. 3. Д. 44. Л. 3).

Специальная губернская комиссия, созданная в конце 1925 г. для изучения масштабов самогоноварения и причиняемого им вреда, установила: из трёх тысяч обследованных населённых пунктов губернии винокурением занимались в 2460 селениях 67,5 тыс. хозяев, располагавших 4356 аппаратами со средним годовым производством каждого в 82 ведра; расходуя на выгонку ежегодно 800 тыс. пудов хлеба и производя 357,1 тыс. ведер спиртных напитков, население губернии за год выпивало 8 млн 562 тыс. бутылок, или 426 тыс. ведер самогона (Бугаев, 1995. Кн. 2. Ч. 1. С. 52–53). Затраты хлеба на выгонку алкоголя являлись действительно значительными. Для сравнения укажем, что по подразвёрстке с августа 1920 по июнь 1921 г. у крестьян губернии были изъяты 5207 тыс. пудов зерна (Сибревком: сб. докладов и материалов, 1959. С. 322). В 1925–1926 гг. сибирские крестьяне тратили на алкоголь в 4–6 раз больше, чем на культурные нужды (Кузнецов, 2001. С. 145).

Следствием потребления самогона стала возросшая преступность. В феврале 1923 г. на почве пьянства в с. Рыбное Канского уезда была перебита семья, состоявшая из четырёх человек, а в д. Прилуки пьяные жители убили председателя волисполкома. В Ачинском уезде стало больше случаев поножовщины, драк и убийств. По случаю празднования Крещения в д. Касогол и Корнилово была открыта стрельба. В марте того же года в д. Михайловка Канского уезда крестьянин Бондаренко напился до такой степени, что ударом колом по голове убил своего зятя, а затем, протрезвев и бежав из каталажки, утопился в проруби.

Летом 1925 г. на почве пьянства в Больше-Улуйском и Бирилюсском районах Ачинского уезда имели место восемь случаев убийств, а в Балахтинском – ещё семь. Пасху 1926 г. ачинские крестьяне отмечали так, что в дни её милицией были подняты 43 трупа. Смертность в данном округе в год при праздновании всех церковных праздников доходила до 200 человек (Красноярский рабочий. 1923. 2, 31 марта; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516. Л. 42; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 859. Л. 213; 67, ГАНУ. Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 297. Л. 51).

Алкогольная зависимость у некоторых крестьян оказывалась настолько сильной, что они, придерживая хлеб, отказывали в содержании учителям. Поэтому деревенская интеллигенция, с которой Ачинский уездный исполком на 1922/1923 учебный год к тому же не заключил договоров, голодая, стала разбегаться. В Чебаках местная власть выдала учителям вместо муки овёс, а затем и совсем отказала в содержании. Вследствие того, что кулаки, у которых милиция разбила 13 самогонных аппаратов, не отдали заработанные полтора пуда муки, в д. Ерлыково Ястребовской волости от голода скончалась учительница Щапова, внучка известного учёногосибироведа (Красноярский рабочий, 1923, 2 марта).

Воплощая в жизнь декрет Совнаркома от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ», первыми в Енисейской губернии антисамогонные акции начали осуществлять части Красной армии. В марте 1920 г. красноармейцы 27-й стрелковой дивизии уничтожили в Минусинском уезде сотни самогонных аппаратов (ГАНУ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 76). 24 марта вопрос о борьбе с тайным винокурением рассматривался руководством губернской милиции. 19 июня отдел управления губернского ревкома направил в уездные отделы распоряжение «...принять самые решительные меры против преступного расточения хлебных запасов» (Бугаев, 1993. Кн. 1. Ч. 2. С. 31).

На местах для борьбы с винокурением, согласно постановлению Сибревкома от 16 июня 1920 г., были созданы специальные уездные тройки и волостные комиссии, которые проводили её через волисполкомы, сельсоветы, коммунистические ячейки и милицию. По постановлениям данных комиссий виновные в самогоноварении, а также хранении самогонных аппаратов подвергались принудительным работам сроком от шести месяцев до двух лет. Сверх того, весь хлеб, за исключением необходимого крестьянской семье для прокормления и обсеменения полей, подлежал конфискации.

Часть населения оказывала представителям власти помощь в обнаружении и изобличении самогонщиков, добровольно сдавала аппараты. Когда минусинская милиция с помощью местных коммунистов обнаружила в д. Верхняя Буланка Моторской волости самогонный завод с 500 ведрами браги и провела беседу с крестьянами, то сход постановил уничтожить или сдать все самогонные аппараты. Хакасы в ответ на организацию властями беспартийных конференций в марте 1923 г. сдали триста аппаратов, существовавших для курения аракки (Бугаев, 1993. Кн. 1. Ч. 2. С. 34; Николаев, 1967. С. 268; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498. Л. 38).

Сначала антисамогонные меры носили одиночный характер и часто выливались в облавы на самогонщиков, организуемые в отдельных сёлах. Так, в начале мая 1921 г. в д. Курская Минусинского уезда таким путем были выявлены 35 жителей, у которых изъяли 17 самогонных аппаратов и по несколько ведер спиртного. В наказание милиция изъяла у них часть хлеба (Голос коммуниста. 1921. 8 мая).

Но с июня 1922 г. вступил в силу Уголовный кодекс (УК) РСФСР со статьёй 140, которая карала лиц, занимавшихся приготовлением и сбытом спиртных напитков, лишением свободы на срок не ниже одного года с конфискацией части имущества. В ноябре того же года данная статья была дополнена указанием о том, что самогонщики-промысловики должны наказываться лишением свободы на срок не ниже трёх

лет с конфискацией всего имущества, а приготовление спиртного без цели сбыта, а также его хранение без оплаты акцизом караться штрафом до 500 рублей или принудительными работами до шести месяцев. Одновременно было принято решение о премиальных отчислениях милиции за использование штрафных санкций.

Введение нового УК РСФСР стало толчком к усилению борьбы с самогонщиками. Начиная с января 1923 г., она стала осуществляться путём организации специальных двухнедельников. Во время первого из них только в Красноярском уезде были изъяты 284 самогонных аппарата. Проводя эту кампанию, работники некоторых волисполкомов использовали подписку, которую брали у председателей сельсоветов. Данные лица подписывались в том, что если они допустят выгонку самогонки на подведомственной территории или станут укрывать её участников, то сами будут преданы суду. Практиковаться стали и штрафы, накладываемые властями за самогоноварение на целые сёла. В двухнедельник, повторённый в феврале того же года, в целом по губернии были изъяты 540 самогонных аппаратов, а к ответственности привлечён 1041 самогонщик (Бугаев, 1993. Кн. 1. Ч. 2. С. 219; ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516. Л. 15, 44, 67).

Для осуществления дальнейшей борьбы с пьянством и самогоноварением в Красноярске была создана руководящая тройка, привлечены партийные, советские, профсоюзные работники, проводившие антиалкогольную агитацию, в уезды посланы милицейские отряды и организовано открытое слушание дел злостных самогонщиков в судах. С этой же целью от использования спирта отказались даже на лесозаготовках. Наконец, двухнедельники были расширены до месячников. Объявленный с 1 апреля 1923 г. ударный месячник оказался более результативным, чем предшествующие кампании, т. к. крестьяне, готовясь к празднованию Пасхи, усиленно гнали самогонку. В Красноярском, Канском и Ачинском уездах были произведены 420 обысков. Только канская милиция изъяла 224 аппарата, 216 ведер самогонки и 2446 –

браги, а также привлекла к ответственности 556 крестьян (ГАНУ. Ф. Р.-20. Оп. 1. Д. 3. Л. 98; Бугаев, 1993. Кн. 1. Ч. 2. С. 220–221).

В антиалкогольной борьбе власть использовала и другие методы. 5 мая 1923 г. президиум губернского исполкома запретил ввоз спиртных напитков на территорию Туруханского края и кочевий Енисейского и Канского уездов, что существенно сократило местное пьянство (ГАНУ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 1060. Л. 51). Несмотря на то, что крестьяне устраивали самогонные заводы в 15–20 верстах от деревень и чаще всего в таёжных урочищах, они всё чаще стали подвергаться ликвидации милицией. Так, 10 сентября 1923 г. она разгромила заводы у с. Верхний Суэтук и Бея Минусинского уезда (Власть труда. 1923. 26 сентября). В целом по губернии с января по октябрь 1923 г. были произведены 3622 обыска, посредством которых изъяли у населения 1691 самогонный аппарат, уничтожили 1103 ведра суррогата. В суд были направлены 3012 дел, кроме того, 460 дел получили разрешение в административном порядке (Краткий отчет Енисейского губернского исполкома, 1923. С. 37).

20 декабря 1923 г. постановлением губернского исполкома был объявлен ещё один месячник по борьбе с пьянством и самогонварением. Данная кампания проходила в условиях гласности, которая не всегда способствовала ликвидации самогонварения. Самогонщики, осведомлённые о предстоящем месячнике, вовремя свернули свои занятия и укрыли аппараты, а сельсоветы стали брать их под защиту. Милиция, преследуя самогонщиков, нередко оказывалась в одиночестве (Бугаев, 1993. Кн. 1. Ч. 2. С. 222–223; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 320. Л. 44; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 337. Л. 194).

Новый месячник, проводившийся в марте 1924 г. в Минусинском уезде, дал положительные результаты, но не искоренил самогонварение. Его живучесть была обусловлена избытком хлеба на рынке, заменой натурального налога денежным и длительностью рассмотрения дел в суде. Продолжавшаяся борьба с самогонварением в апреле – июне того же года характери-

зовалась по губернии следующими данными: в это время были произведены 1817 обысков, изъяты 762 аппарата, 1552 ведра самогона, к ответственности привлечены 2108 человек (ГА РФ. Ф. Р.-393. Оп. 48. Д. 79. Л. 30; ГАНУ. Ф. Р.-19. Оп. 1. Д. 25. Л. 9).

Подобные меры принимались властью и в дальнейшем: в с. Камарчага Канского уезда у крестьян отобрали 30 аппаратов и 1500 ведер браги, а в д. Кускун Манского района в марте 1925 г. – соответственно девять и две тысячи, отдали под суд трёх работников сельсовета (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 178, 232). За январь – март 1925 г. в целом по губернии милиция провела 2902 обыска, изъяла у населения 1097 аппаратов и 17,2 тыс. литров суррогата (ГАНУ. Ф. Р.-20. Оп. 3. Д. 44. Л. 19).

К этому времени большинство участников антисамогонной борьбы уже убедились в её бесперспективности. К примеру, крестьяне уверяли власти в том, что самогонварение закончится только с возобновлением продажи водки. Признаки охлаждения к его ликвидации появились у милиционеров. В марте 1924 г. в красноярской городской милиции имел место случай, когда подчинённые ранили начальника 1-го отделения, который незадолго до этого провёл успешную операцию по выявлению самогонщиков на хуторах Балайской волости (Бугаев, 1993. Кн. 1. Ч. 2. С. 231).

В то же время, случалось, милиция, озлобившись на неуёмных самогонщиков и выявляя их, переходила грань дозволенного: в январе 1925 г. в с. Устьянское Канского уезда милиционеры, занимаясь поиском самогона у жителя, душили его верёвкой, а милиционер с. Рождественского, обнаружив бочку браги, запугал крестьянку до такой степени, что она зарезалась, оставив троих детей (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 859. Л. 30).

По-прежнему сложным оставалось отношение к потреблению алкоголя у местных коммунистов. Громом аплодисментов участников на VI Енисейском губернском съезде советов (апрель 1925 г.) было встречено заявление делегата Т.М. Суренкова: «Я тоже пью, но кто видел меня пьяным?»

При обеспокоенности, прозвучавшей в его выступлении («Мы все сопьёмся и пропьём Советскую власть»), оно в определении перспектив борьбы с пьянством не было содержательным. «Даже если в каждый двор посадить по милиционеру, – утверждал оратор, – всё равно ничего не получим». В ответ председатель губернского исполкома П.И. Шиханов нашёл лишь в раздражении сказать, что «будем намечать дворы к высылке в Туруханский край» (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 527. Л. 131).

Крестьянство всё сильнее выражало своё недовольство антисамогонными действиями властей. В конце 1924 г. повальные обыски и облавы на самогонщиков, осуществляемые в с. Знаменское Минусинского уезда милиционерами и сельскими исполнителями, едва не закончились кровавым побоищем. Одного из участников облавы крестьяне избили и вслед удалявшемуся из селения отряду кричали: «Красно-головики! Колчаковцы!» (Советская Сибирь. 1925. 8 января). Имели место случаи, когда действия властей заканчивались насильственной смертью её представителей. К примеру, в 1923 г. в д. Бражная Канского уезда жители убили милиционера, обнаружившего самогонку, а за её изъятие в с. Нахвальское Красноярского уезда – председателя волысполкома и коммуниста. При оформлении документа на конфискацию домашнего вина в с. Межово Енисейского уезда пьяной компанией из дробового ружья был ранен начальник 1-го района уездной милиции Ф.С. Лукашевский. 19 февраля 1924 г. в одной из деревень Красноярского уезда при отобрании самогона был тяжело ранен старший волостной милиционер и избит активист (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516. Л. 15; Бугаев, 1993. Кн. 1. Ч. 2. С. 232).

Действуя согласно поступившему доносу, начальник 6-го района Красноярской милиции Я.Я. Гигуль 20 ноября того же года в десяти верстах от Уяра обнаружил самогонный завод, принадлежавший местным хуторянам. При этом осведомитель, оказавшийся предателем, ранил милиционера, который затем скончался в больнице. Его убийца и один из самогонщиков в даль-

нейшем подверглись расстрелу (Крестьянская газета. 1925. 26 марта).

Отношения вокруг самогонварения между милицией и крестьянами отдельных деревень порой включали в себя разведывательные действия и провокации чуть ли не со смертельным исходом. Длительное время милиция не могла с поличным поймать жителей д. Троицкой Красноярского уезда, которые поголовно занимались выгонкой и торговлей самогомом. Специальный «вестовой» заранее предупреждал жителей об опасности. Поэтому к приезду милиции признаки винокурения исчезали, а сход защищал интересы самогонщиков. Тогда в деревню были посланы лица, в задачу которых входило приобретение у самогонщиков «перегона» – самогонки более высокого качества. 8 апреля 1925 г. прибывший следом в деревню начальник 9-го района уездной милиции Ф.Ф. Садретдинов с сельскими исполнителями, застав крестьян на выгонке, изъял аппарат, четыре ведра самогонки и 80 – браги. Возмущенные самогонщики решились на провокацию. Пока милиция в горах искала самогонные заводы, их хозяева 9 апреля объявили населению о якобы имевшей место краже лагунка с самогомом. Пустившись в погоню за покинувшим деревню жителем с. Новосёлово, крестьяне изловили его и, пригрозив убийством, заставили оговорить милицию в продаже ею изъятого у самогонщиков спиртного. Вернувшись в деревню, самогонщики начали избивать милицейского начальника, которого от смерти спасло лишь вмешательство жителей. Но, доставив задержанных милиционера и исполнителей в сельсовет, они сами подверглись аресту. 18 сентября 1925 г. губернский суд за сговор и террористический акт приговорил трех членов семьи Дорошенко к высшей мере наказания, а прочих участников – к лишению свободы. Однако Кассационная коллегия по уголовным делам при Верховном Суде РСФСР 5 октября того же года заменила расстрел пятью годами заключения и тремя годами поражения в правах (ГАКК. Ф. Р.-12. Оп. 1. Д. 468. Л. 3, 5, 182, 194).

С целью сбить волну самогонварения и усилить поступление в бюджет дополнительных денежных средств государство решилось на внутренний демпинг. 5 октября 1925 г. была введена казённая винная монополия. Исключительное право на изготовление и продажу 40-градусной водки получили управления Центрального правления государственной спиртовой монополии (Центроспирт) Наркомфина СССР, которые выбросили её на рынок по цене один рубль за бутылку. Енисейские крестьяне встретили выпуск водки по-разному, в основном благожелательно. В Красноярском округе, в частности, они уменьшили объёмы самогонварения. Но открытие в деревнях винных лавок, например, в Минусинском уезде, напротив, способствовало росту пьянства и преступности.

Поэтому усилившееся потребление ал-

коголя заставило Центроспирт повысить стоимость водки почти в полтора раза. Недовольная этим деревня, население которой считало, что самогон намного дешевле водки, а крепостью ей не уступает, уменьшила объёмы покупаемой водки. Так, ирбейский магазин Центроспирта до этой акции продавал в сутки около 26 ведер водки, а после повышения цены – только два. С винного склада в Канске для потребления сельских жителей до наценки отпускались 1709 ведер 40-градусного вина, а с декабря – лишь 768. Государство было вынуждено с лета 1926 г. вновь снижать цены на водку (ГАНУ. Ф. Р.-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 19; МКУГМ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 104. Л. 43; Бугаев, Жалимов, 1995. Кн. 2. Ч. 1. С. 55).

Из-за этих манипуляций с ценами самогонварение в деревне вновь возросло.

Рис. 2. Выгонка самогона
Fig. 2. Forcing moonshine

Поэтому, вопреки утверждению одного из авторов о том, что самогонование и борьба с ним прекратились ещё в 1922 г. (Черных, 1998. С. 186), на Енисее они продолжались, порой с прежним размахом. Так, в 1925 г. в сёлах Красноярского округа милиция произвела 2458 обысков, изъяла 912 самогонных аппаратов, из них в четвёртом квартале, т. е. после открытия винных лавок, – 115 (Бугаев, Жалимов, 1995. Кн. 2. Ч. 1. С. 54).

Но поиски самогона постепенно переходили на деревенскую периферию, в тяжёлую глушь. В том же году милиционеры обнаружили в 25 верстах от Канска самогонный завод с ёмкостями на две тысячи литров браги. Ими были уничтожены 25 ведер самогона и привлечены к уголовной ответственности десять человек. 22 мая 1926 г. на участке Рудяной Тасеевского района участковый милиционер нашёл «очаг самогонный» – завод с 500 ведрами браги в 22 кадках (ГА РФ. Ф. Р.-393. Оп. 66. Д. 164. Л. 30; МКУГМ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 28. Л. 185 об.).

Между тем борьба властей с самогонованием по-прежнему сопровождалась сопротивлением крестьян и кровавыми эксцессами. Так, летом 1925 г. в д. Сосновка Манского района за выявление самогонщиков был зарезан комсомолец. 21 мая 1926 г. в с. Шилинское возникла перестрелка между работниками сельсовета и самогонщиком, которая закончилась ранением и смертью последнего. После обнаружения самогонного завода на одном из участков Тасеевского района в сельсовет явился его житель и нанёс милиционеру побои. В дальнейшем группа крестьян освободила задержанного и пыталась обезоружить милиционера (ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 859. Л. 203; Бугаев, Жалимов, 1995. Кн. 2. Ч. 1. С. 57).

На этом «фронте», как считают историки, власть окончательно сдалась только в 1927 г., когда частное винокурение впервые за послереволюционную эпоху было фактически легализовано (Булдаков, 1997. С. 269; Литвак, 1992. С. 77). Приготовление самогона для собственного потребления в УК РСФСР было переведено из уголовных преступлений в разряд нарушений административных правил.

Кроме того, постановлением СНК РСФСР от 9 сентября 1926 г. отменёнными оказались премии милиции, отчисляемые от штрафных денег самогонщиков. И, наконец, с 1 января 1927 г. вступил в силу новый УК РСФСР, не предусматривавший каких-либо наказаний за деяния, связанные с самогонованием.

Однако уже с марта 1927 г. государство начало ограничивать продажу спиртных напитков малолетним, лицам в нетрезвом состоянии и запрещать распитие их в общественных местах. Согласно постановлению Совета Труда и Оборона СССР от 26 августа 1927 г. и циркуляру НКВД «Об устранении препятствий в открытии лавок Центроспирта» от 22 ноября того же года, были приняты меры к расширению продажи казённой водки. Между тем, вопреки утверждённым новым правовым нормам, самогонование и соответственно борьба с ним в Красноярском, Канском, Ачинском, Минусинском и Хакасском округах не прекращались: если в первом полугодии 1926 г. по этой статье милицией были возбуждены 1784, во втором – 1338 и до середины 1927-го – 1756 дел. В конце мая 1927 г. в Ачинском округе был ликвидирован винокурный завод с суточной производительностью в сто ведер самогона (ГАНО. Ф. Р.-20. Оп. 2. Д. 191. Л. 48; Бугаев, Жалимов, 1995. Кн. 2. Ч. 1. С. 58).

Лишь 2 января 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О мерах усиления борьбы с самогонованием», которым приготовление, хранение, сбыт самогона вновь запрещались и за эти нарушения предусматривались административные наказания в виде штрафа до ста рублей или же принудительных работ на срок до одного месяца. Во исполнение этого постановления милиция начала новую ударную кампанию против самогонщиков. На 22 января 1928 г. только у крестьян Минусинского округа были отобраны 478 самогонных аппаратов, 40,5 тыс. литров браги, 2984 литра самогона, к судебной ответственности привлечены 120, а в административном порядке – ещё 32 самогонщика.

На этот раз антисамогонные акции проходили при поддержке определённой

части деревенского населения, особенно женщин. Например, общее собрание жителей с. Дубенского того же округа, заявив, что самогонование способствует упадку крестьянских хозяйств, развитию хулиганства и препятствует культурному досугу на селе, одобрило правительственное постановление и решило отказаться от винокурения и оказать помощь сельсовету в выявлении самогонщиков. К февралю того же года власти Минусинского округа изъяли только 38 аппаратов, тогда как 204 – сдали им сами крестьяне. В то же время милиция за выгонку самогонки оштрафовала 406, отправила на принудительные работы 37 и привлекла к судебной ответственности ещё 39 человек (ГАНУ. Ф. Р.-47. Оп. 1. Д. 705. Л. 4; ГАНУ. Ф. Р.-47. Оп. 5. Д. 19. Л. 15; Бугаев, Жалимов, 1995. Кн. 2. Ч. 1. С. 58).

Успешной являлась такая же кампания, проведенная в Красноярском округе, где милиция, нарушая законность, практиковала наложение штрафов на самогонщиков до объявления им постановления (ГАНУ. Ф. Р.-20. Оп. 3. Д. 176. Л. 70). В 1928 г. впервые за целый ряд лет потребление алкоголя в сибирской деревне вследствие усиления административных мер против самогонования уменьшилось вдвое (Кузнецов, 2001. С. 146).

Новая вспышка потребления алкоголя в енисейской деревне имела место во время «великого перелома». В 1930 г. среди крестьянства отмечалось «небывалое» пьянство целыми неделями и группами. Жители с. Сабинского Минусинского округа в 1929/1930 хлебозаготовительном году заплатили 9 тыс. рублей налогов, а в течение месяца из винной лавки закупили водки на сумму в 8,5 тыс. рублей. Крестьяне д. Лукьяновки, где насчитывалось 135 хозяйств, за один день выпили 13 ведер водки. В с. Бея в базарные дни вина расходовалось за день на 1200–1500 рублей. Лица, объявленные кулаками, часто решали так: «Продам всё, что у меня есть, пропью, а затем пойду в тюрьму» (Вострова, 2002. С. 276). Выселяемые крестьяне по пути к эшелону на ст. Абакан заезжали к родственникам, где предавались пьянству. Но вскоре, как и во время изъятия продразвёр-

стки, сырьё для выгонки самогона закончилось, и вспышки деревенского пьянства стали принимать всё более депрессивную окраску.

Репрессивная политика государства по отношению к деревне развязала у населения самые низменные инстинкты. Коллективизацию и раскулачивание осуществляли лица, порой находившиеся в алкогольном опьянении, но помнившие об удовлетворении собственных интересов. Например, в феврале 1930 г. секретарь Корниловского сельсовета (Ачинский округ), ввалившись пьяным в дом середняка, настаивал на его немедленном выселении, другим же за водку обещал отсрочку (ГАНУ. Ф. Р.-47. Оп. 5. Д. 104. Л. 59). Санкционированное властью насилие над деревней приводило в шок администрации целых районов: с повального пьянства всего актива, например, началась коллективизация в Ужурском районе.

Безнравственность облика и поведения лиц, ставших руководителями, понимание некоторыми из них своей беспомощности в решении социально-экономических вопросов выливались в пьянство, ещё более усугублявшее положение деревни. Ощущение вседозволенности, подпитываемое алкоголем, нередко приводило представителей власти к их гибели или к совершаемым преступлениям. Среди крестьян находились лица, способные наказать зарвавшихся управленцев. Травмированием головы закончились в 1930 г. пьяные безобразия милиционера и сельсоветчика в селениях Подкаменная и Усть-Ерба соответственно Ачинского и Хакасского округов (ГАНУ. Ф. Р.-47. Оп. 5. Д. 104. Л. 145; ГКУ РХ НА. Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 8. Л. 17).

Таким образом, изготовление и потребление спиртного составляло немалое место в жизни енисейских крестьян и во многом определяло культурный облик деревни. Но в переломную эпоху спектр побудительных мотивов пьянства значительно расширился, масштабы возросли, а его последствия стали более значимыми. Во время вооружённой борьбы с белой властью алкоголь являлся впечатляющей подпиткой «революционного энтузиазма» крестьян, порой оказывал решающее влияние на ход дальней-

ших военных действий повстанцев, а также на их поведение в быту. Начиная с военного коммунизма и завершая коллективизацией, енисейская деревня на все социально-политические события реагировала новыми запоями, усиливавшими хаос в её жизни и отношениях с внешним миром. Деграция и пьянство в какой-то степени являлись своеобразной формой протеста определённой части крестьян созданию коммунистами новых условий и правил жизни. Пример подобного поведения показывали представители власти, независимо от её окраски, пьющие и потворствующие распространению этого социального зла среди крестьянства. И антибольшевистская, и коммунистическая власть, пытаясь пополнить свои бюджеты «пьяными» деньгами и осуществляя непоследовательную антиалкогольную политику, тем самым спаивали и разлагали население.

Енисейское крестьянство предпочитало потреблять самогон, производство которого имело для него ещё и важное экономическое значение. Объёмы самогонварения в деревне являлись значительными, а пьянство крестьян приобретало зачастую форму социального бедствия. Принявшая широкий размах борьба Советской власти с самогонварением вызывала не только недовольство крестьян, но и доходила до острых конфликтных ситуаций. Её попытки искоренить самогонварение оказались безуспешными. К 1930-м гг. проблема пьянства в енисейской деревне не только не была разрешена, но с переходом к коллективизации ещё более усугубилась.

*Статья поступила 01.07.2016 г.
Article was received in July, 01, 2016*

Библиографический список

- Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 1. Красноярск, 1993. 352 с.
- Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 2. Красноярск, 1993. 335 с.
- Бугаев Д.А., Жалимов Л.С. На службе милицейской. Кн. 2. Ч. 1. Красноярск, 1995. 223 с.
- Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 376 с.
- Валиев Г.Х. Социальные аномалии в повседневной жизнедеятельности населения Сибири в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.
- Власть труда. 1923. 23 ноября, 26 сентября.
- Воля Сибири. 1918.
- Вострова С.Н. Экономическое поведение крестьян-единоличников Восточной Сибири в годы «великого перелома» (1929–1933 гг.) // Духовно-исторические чтения. Вып. VII. Красноярск, 2002. С. 272–281.
- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 113.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 441.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 516.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 859.
- ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 860.
- ГАКК. Ф. 42. Оп. 5. Д. 531.
- ГАКК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 327.
- ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 544.
- ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 614.
- ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 692.
- ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 641.
- ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 642.
- ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 717.
- ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 8.
- ГАКК. Ф. Р.-12. Оп. 1. Д. 468.
- ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 143.
- ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 320.
- ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 337.
- ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 343.
- ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 1. Д. 527.
- ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 130.
- ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 143.
- ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 6.
- ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 685.

- Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 2229.
- ГАНО. Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 297.
- ГАНО. Ф. 5 а. Оп. 6. Д. 270 а.
- ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 276.
- ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 436.
- ГАНО. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 83.
- ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 21.
- ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 506.
- ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 569.
- ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 88.
- ГАНО. Ф. П.-3. Оп. 3. Д. 60.
- ГАНО. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 1060.
- ГАНО. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 186.
- ГАНО. Ф. Р.-1. Оп. 2 а. Д. 114.
- ГАНО. Ф. Р.-1. Оп. 2. Д. 32.
- ГАНО. Ф. Р.-19. Оп. 1. Д. 25.
- ГАНО. Ф. Р.-20. Оп. 1. Д. 3.
- ГАНО. Ф. Р.-20. Оп. 2. Д. 19.
- ГАНО. Ф. Р.-20. Оп. 2. Д. 191.
- ГАНО. Ф. Р.-20. Оп. 3. Д. 176.
- ГАНО. Ф. Р.-20. Оп. 3. Д. 44.
- ГАНО. Ф. Р.-47. Оп. 1. Д. 705.
- ГАНО. Ф. Р.-47. Оп. 5. Д. 104.
- ГАНО. Ф. Р.-47. Оп. 5. Д. 19.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.-393. Оп. 48. Д. 79.
- ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 66. Д. 164.
- Годы огневые : сб. воспоминаний. Красноярск, 1962. 407 с.
- Голос коммуниста. 1921.
- Голос народа. 1917.
- Государственно-казенное управление Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХНА). Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 8.
- Замураев Я.С. Енисейские партизаны: воспоминания участников партизанской армии П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко. Новосибирск, 1970. 224 с.
- Звягин С.П. Сибирское земство и самогонование в 1918–1919 гг. // История крестьянства в России. Материалы 16-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2000. С. 112–115.
- Знамя труда. 1918.
- Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания. Материалы. Документы. Петроград: Былое, 1923. 190 с.
- Красноярский рабочий. 1918.
- Красноярский рабочий. 1923. 2, 31 марта.
- Красноярский рабочий. 2003.
- Краткий отчет Енисейского губернского исполнительного комитета 5-му Енисейскому губернскому съезду Советов за 1923 год. Красноярск, 1923. С. 38.
- Крестьянская газета. 1925. 26 марта.
- Крестьянское движение в 1917 году / под. ред. М.Н. Покровского. М.-Л., 1927. 468 с.
- Кузнецов А.И. «Алкогольный вопрос» в сибирской деревне 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 260 с.
- Кузнецов Д.Е. Борьба милиции Западной Сибири с самогонованием в 1925–1934 гг. // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2015. № 1 (50). С. 340–342.
- Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг.: психоисторические очерки. Новосибирск, 2001. 235 с.
- Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 65–83.
- Луков Е.В. К вопросу об отмене «сухого закона» на территории Белой Сибири // История Белой Сибири. Материалы 5-й Междунар. науч. конф. (4–5 февр. 2003 года, Кемерово). Кемерово, 2003. С. 79–83.
- Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска» (МКУГМ «АГМ»). Ф. 115. Оп. 1. Д. 28.
- МКУГМ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 104.
- Николаев П.Ф. Советская милиция в Сибири (1917–1922). Омск, 1967. 291 с.
- Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 – май 1918 г.). Новосибирск, 1987.
- Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 133–142.
- Павлюченков С.А. Ильич в запое. О производстве и потреблении самогона в послереволюционные годы // Родина. 1997. № 11. С. 23–27.
- Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. Л., 1925. 285 с.

Петров П. Перовские партизаны (начало движения) // Сибирские огни. 1935. Кн. 1. С. 130–150.

Попов Г.Н. Партизаны Заманья. Красноярск, 1974. 200 с.

Рагозин. Партизаны Степного Баджера (Записки участника). М.: Новая Москва, 1926. 208 с.

Свободная Сибирь. 1918.

Свободная Сибирь. 1919.

Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 : сб. докладов и материалов. Новосибирск, 1959. 657 с.

Советская Сибирь. 1925. 8 января.

Соха и молот. 1919.

Соха и молот. 1920. 14 января.

Труд. 1916.

Труд. 1918.

Труд. 1919.

Черных А. Становление России советской. 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. 282 с.

Шекшеев А.П. Власть и енисейское крестьянство: отношения на почве самогеноварения (1917 – начало 1930-х годов) // Вестник Красноярского государственного университета. 2006. № 3. Гуманитарные науки. С. 26–30.

References

Bugaev D.A. *Na sluzhbe militseiskoi* [Doing the militia service]. Krasnoyarsk, 1993. Book 1. Part 1. 352 p.

Bugaev D.A. *Na sluzhbe militseiskoi*. [Doing the militia service]. Krasnoyarsk, 1993. Book 1. Part 2. 335 p.

Bugaev D.A., Zhalimov L.S. *Na sluzhbe militseiskoi* [Doing the militia service]. Krasnoyarsk, 1995. Book 2, vol. 1. 223 p.

Buldakov V. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red distemper. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, 1997. 376 p.

Chernykh A. *Stanovlenie Rossii sovetskoi. 20-e gody v zerkale sotsiologii* [Formation of Soviet Russia. 20 years in the mirror of sociology]. Moscow, 1998. 282 p.

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia (GAKK) [State archive of Krasnoyarsk Krai (SAKK)]. F. 1. Op. 1. D. 3.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 105.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 113.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 263.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 441.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 446.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 498.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 50.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 516.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 526.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 82.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 859.

GAKK [SAKK]. F. 1. Op. 1. D. 860.

GAKK [SAKK]. F. 42. Op. 5. D. 531.

GAKK [SAKK]. F. 59. Op. 1. D. 327.

GAKK [SAKK]. F. 60. Op. 1. D. 544.

GAKK [SAKK]. F. 60. Op. 1. D. 614.

GAKK [SAKK]. F. 64. Op. 1. D. 692.

GAKK [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 641.

GAKK [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 642.

GAKK [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 717.

GAKK [SAKK]. F. 64. Op. 11. D. 8.

GAKK [SAKK]. F. R.-12. Op. 1. D. 468.

GAKK [SAKK]. F. R.-49. Op. 1. D. 143.

GAKK [SAKK]. F. R.-49. Op. 1. D. 320.

GAKK [SAKK]. F. R.-49. Op. 1. D. 337.

GAKK [SAKK]. F. R.-49. Op. 1. D. 343.

GAKK [SAKK]. F. R.-49. Op. 1. D. 527.

GAKK [SAKK]. F. R.-49. Op. 2 s. D. 130.

GAKK [SAKK]. F. R.-49. Op. 2 s. D. 143.

GAKK [SAKK]. F. R.-49. Op. 2 s. D. 6.

GAKK [SAKK]. F. R.-49. Op. 2 s. D. 685.

Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO) [State archive of Novosibirsk region (SANR)]. F. P.-1. Op. 1. D. 2229.

GANO [SANR]. F. 5 a. Op. 1. D. 297.

GANO [SANR]. F. 5 a. Op. 6. D. 270 a.

GANO [SANR]. F. P.-1. Op. 2. D. 276.

GANO [SANR]. F. P.-1. Op. 2. D. 436.

GANO [SANR]. F. P.-1. Op. 2. D. 83.

GANO [SANR]. F. P.-2. Op. 1. D. 21.

GANO [SANR]. F. P.-2. Op. 1. D. 506.

GANO [SANR]. F. P.-2. Op. 1. D. 569.

GANO [SANR]. F. P.-2. Op. 1. D. 88.

GANO [SANR]. F. P.-3. Op. 3. D. 60.

GANO [SANR]. F. R.-1. Op. 1. D. 1060.

GANO [SANR]. F. R.-1. Op. 1. D. 186.

GANO [SANR]. F. R.-1. Op. 2 a. D. 114.

GANO [SANR]. F. R.-1. Op. 2. D. 32.

- GANO* [SANR]. F. R.-19. Op. 1. D. 25.
GANO [SANR]. F. R.-20. Op. 1. D. 3.
GANO [SANR]. F. R.-20. Op. 2. D. 19.
GANO [SANR]. F. R.-20. Op. 2. D. 191.
GANO [SANR]. F. R.-20. Op. 3. D. 176.
GANO [SANR]. F. R.-20. Op. 3. D. 44.
GANO [SANR]. F. R.-47. Op. 1. D. 705.
GANO [SANR]. F. R.-47. Op. 5. D. 104.
GANO [SANR]. F. R.-47. Op. 5. D. 19.
Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State archive of the Russian Federation (SARF)]. F. R.-393. Op. 48. D. 79.
GARF [SARF]. F. R.-393. Op. 66. D. 164.
Gody ognevye : sb. vospominanii [Years of fire]. Krasnoyarsk, 1962. 407 p.
Golos kommunista [The voice of the Communist]. 1921.
Golos naroda [The voice of the people]. 1917.
Gosudarstvenno-kazennoe upravlenie Respubliki Khakasiya "Natsional'nyi arkhiv" (GKU RKhNA) [Public-state management of the Republic of Khakassia "the national archives" (GKU RCH NA)]. F. 16. Op. 3 p. D. 8.
 Kolosov E.E. *Sibir' pri Kolchake: Vospominaniya. Materialy. Dokumenty* [Siberia under Kolchak. Memories. Materials. Documents]. Petrograd, Byloe Publ., 1923. 190 p.
Krasnoyarskii rabochii [Krasnoyarsk worker]. 1918.
Krasnoyarskii rabochii [Krasnoyarsk worker]. 1923. 2, 31 March.
Krasnoyarskii rabochii [Krasnoyarsk worker]. 2003.
Kratkii otchet Eniseiskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta 5-mu Eniseiskomu gubernskomu s'ezdu Sovetov za 1923 god [A brief report of the Yenisei province Executive Committee 5th Yenisei provincial Congress of Soviets in 1923]. Krasnoyarsk, 1923. P. 38.
Krest'yanskaya gazeta [The peasant newspaper]. 1925. 26 March.
 Kuznetsov A.I. "Alkogol'nyi vopros" v sibirskoi derevne 1920-kh gg. ["Alcohol question" in the Siberian village of the 1920s. Diss. kand. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2005. 260 p.
 Kuznetsov D.E. *Bor'ba militsii Zapadnoi Sibiri s samogonovareniiem v 1925–1934 gg.* [The Struggle of the police in Western Siberia brewing in 1925–1934]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. Gorno-Altaysk, 2015. No. 1 (50). Pp. 340–342. (In Russian)
 Kuznetsov I.S. *Na puti k "velikomuyu perezlomu". Lyudi i nnavy sibirskoi derevni 1920-kh gg. (psikhoistoricheskie ocherki)* [On the way to the "great turning point". People and customs of the Siberian village of the 1920s (psychohistorical essays)]. Novosibirsk, 2001. 235 p.
 Litvak K.B. *Samogonovarenie i potrebleniye alkogolya v rossiiskoi derevne 1920-kh godov* [Moonshining and alcohol consumption in the Russian village of the 1920-ies]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history]. 1992. No. 4. Pp. 65–83. (In Russian)
 Lukov E.V. *K voprosu ob otmene "sukhogo zakona" na territorii Beloi Sibiri. Istoriya Beloi Sibiri. Materialy 5-i Mezhdunar. nauch. konf., 4–5 fevr. 2003 goda, Kemerovo* [To the question on cancellation "the dry law" on the territory of White Siberia. History of White Siberia. Materialy 5-th Intern. scientific. Conf. 4–5 Feb. 2003, Kemerovo]. Kemerovo, 2003. Pp. 79–83. (In Russian)
 Munitsipal'noe kazennoe uchrezhdenie g. Minusinska "Arkhib g. Minusinska" (MKUGM "AGM") [Municipal state authority of the city of Minusinsk Archive of the city of Minusinsk]. F. 115. Op. 1. D. 28.
 Munitsipal'noe kazennoe uchrezhdenie g. Minusinska "Arkhib g. Minusinska" (MKUGM "AGM") [Municipal state authority of the city of Minusinsk Archive of the city of Minusinsk]. F. 115. Op. 1. D. 104.
 Nikolaev P.F. *Sovetskaya militsiya v Sibiri (1917–1922)* [The Soviet police in Siberia (1917–1922)]. Omsk, 1967. 291 p.
Oktyabr' v Sibiri. Khronika sobytii (mart 1917 – mai 1918 g.) [October in Siberia. Chronicle of events (March 1917 – May 1918)]. Novosibirsk, 1987. 319 p.
Partizanskoe dvizhenie v Sibiri. [Guerrilla movement in Siberia]. Vol. I. *Priyenseiskii krai* [Priyenseysky Krai]. Leningrad, 1925. 285 p.
 Pavlyuchenkov S.A. *Il'ich v zapoe. O proizvodstve i potreblenii samogona v poslerevol'yutsionnye gody* [Ilyich drunk. On the production and consumption of moonshine in the years after the revolution]. *Rodina* [Homeland]. 1997. No. 11. Pp. 23–27. (In Russian)

Pavlyuchenkov S.A. *Veseliye Rusi: revolyutsiya i samogon* [Jolly Rus: revolution and the moonshine]. *Revolyutsiya i chelovek. Byt, nruvy, povedenie, moral'* [The revolution and the people. Life, customs, behavior, morals]. Moscow, 1997. Pp. 133–142.

Petrov P. *Perovskie partizany (nachalo dvizheniya)* [This partisans (initiation of motion)]. *Sibirskie ogni* [Siberian lights]. 1935. Book. 1. Pp. 130–152.

Pokrovskii M.N. *Krest'yanskoe dvizhenie v 1917 godu.* [The peasant movement in 1917] Moscow-Leningrad, 1927. 468 p.

Popov G.N. *Partizany Zaman'ya* [Guerrillas Zamania]. Krasnoyarsk, 1974. 200 p.

Ragozin. *Partizany Stepnogo Badzheya (Zapiski uchastnika)* [Partisans Of The Steppe Badgea (Notes of the participant)]. Moscow, Novaya Moskva Publ., 1926. 208 p.

Sheksheev A.P. *Vlast' i eniseiskoe krest'yanstvo: otnosheniya na pochve samogonovareniya (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The Power of the Yenisei and the peasantry: the relations on the basis of brewing (1917 – the beginning of 1930-ies)]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Krasnoyarsk state University]. 2006. No. 3. Humanities. Pp. 26–30. (In Russian)

Sibirskii revolyutsionnyi komitet (Sibrevkom). Avgust 1919 – dekabr' 1925 : sb. dokladov i materialov [Siberian revolutionary Committee (Sibrevkom). August 1919 – Dec. 1925: Coll. of reports and materials]. Novosibirsk, 1959. 657 p.

Sokha i molot [Plow and hammer]. 1919.

Sokha i molot [Plow and hammer]. 1920. 14 January.

Sovetskaya Sibir' [Free Siberia]. 1925. 8 January.

Svobodnaya Sibir' [Free Siberia]. 1918.

Svobodnaya Sibir' [Free Siberia]. 1919.

Trud [Work]. 1916.

Trud [Work]. 1918.

Trud [Work]. 1919.

Valiev G.Kh. *Sotsial'nye anomalii v povsednevnoi zhiznedeyatel'nosti naseleniya Sibiri v 1920-e gg.* [Social anomalies in the daily life of the population of Siberia in the 1920-ies. Dis. kand. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2001.

Vlast' truda [The power of labor]. 1923. 23 November, 26 September.

Volya Sibiri [Will Siberia]. 1918.

Vostrova S.N. *Ekonomicheskoe povedenie krest'yan-edinolichnikov Vostochnoi Sibiri v gody «velikogo pereloma» (1929–1933 gg.)* [The economic behavior of individual farmers in Eastern Siberia in the years of the “great change” (1929–1933)]. *Dukhovno-istoricheskie chteniya* [The Spiritual-historical readings]. Issue. VII. Krasnoyarsk, 2002. Pp. 272–281. (In Russian)

Zamuraev Ya.S. *Eniseiskie partizany: vospominaniya uchastnikov partizanskoj armii P.E. Shchetinkina i A.D. Kravchenko* [Yenisey guerrillas. Recollections of the guerrilla army E.P. Schetinkin and A.D. Kravchenko]. Novosibirsk, 1970. 224 p.

Znamya truda [Banner of labor]. 1918.

Zvyagin S.P. *Sibirskoe zemstvo i samogonovarenie v 1918–1919 gg. Istoriya krest'yanstva v Rossii. Materialy 16-i Vserossiiskoi zaochnoi nauchnoi konferentsii.* [Siberian Zemstvo and moonshine in 1918–1919. The History of peasantry in Russia. The materials of the XVI all-Russian correspondence scientific conference]. St. Petersburg, 2000. Pp. 112–115. (In Russian)

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, e-mail: Turan47@yandex.ru

Sheksheev Alexander Petrovich, candidate of historical Sciences, member of the Board of the Khakassian organization “Society Memorial”, 49, 59, Shetinkina str., Abakan, Republic of Khakassia, 655017, Russia, e-mail: Turan47@yandex.ru